

Заместитель режиссёра забеспокоился и снова зашептался со сценаристом:

— Что происходит!? Почему он даже не кашляет!? У Ю Юаньси есть болезнь, и она серьёзная! А он только строит глазки камере... Ох, что делать, если режиссёр Янь сочтёт это плохим?

Сценарист:

— ...Ты уже на его стороне, да?

Сценариста раздражали толчки заместителя режиссёра, и он отстранился:

— Сначала посмотри, он умный.

— Как это? — заместитель режиссёра удивился, но увидел, что Гу Чжочжо уже сел на коврик и начал следующую сцену.

Цю Линцзяо, подражая агенту Мяо Хана, подошла к краю площадки и сказала голосом служанки:

— Молодой господин, третья дочь семьи Чжоу... сегодня ушла.

— Что?

Лицо Гу Чжочжо побелело, он попытался встать с коврика, и Цю Линцзяо поспешила поддержать его:

— Молодой господин, будьте осторожны, старый господин велел, вы ещё больны, нельзя вставать с постели...

— Ушла? — Гу Чжочжо был в замешательстве, в горле появилось ощущение щекотки, и он слегка закашлялся, а затем снова схватил Цю Линцзяо и повторил вопрос:

— Правда ушла?

— Молодой господин...

В глазах Гу Чжочжо блеснули слёзы, и они крупными каплями потекли по его бледным щекам.

— А-лин, А-лин... — он бормотал, дыхание становилось всё более затруднённым, и в груди раздавались пугающие звуки.

— Молодой господин!

— Кх-кх... — Гу Чжочжо начал сильно кашлять, оттолкнул Цю Линцзяо, одной рукой опираясь на коврик, а другой сжимая одежду на груди, словно хватаясь за что-то.

Через несколько секунд, когда Гу Чжочжо вытер слёзы и поклонился, весь зал, словно очнувшись, разразился аплодисментами.

— Чёрт! Чёрт!! — заместитель режиссёра тряс сценариста. — Мне кажется, он больше похож на Ю Юаньси! Правда, ты не находишь?

Сценарист:

— ...Перестань трясти, меня сейчас стошнит...

Мяо Хан стоял на краю площадки с потерянным выражением лица. Четверо из «Чжуншэн» и Хату не могли скрыть радости, особенно Пэн Инцзе, который не только аплодировал, но и кричал «браво», пока остальные трое, смущаясь, не заткнули ему рот и не оттащили в сторону.

Режиссёр Янь улыбнулся и подозвал Гу Чжочжо. Когда тот подошёл, он спросил:

— Почему в первой сцене ты не показал, как другие, что Ю Юаньси болен?

Все замерли, ожидая ответа Гу Чжочжо. Все, кто сегодня пробовался на роль, кашляли, потому что в сценарии была пометка «(он кашляет дважды)».

Неужели такой актёр, как Гу Чжочжо, забыл это сыграть?

— Я кашлял, — объяснил Гу Чжочжо. — На записи это должно быть видно, пауза была короткой.

— О? Почему ты так сделал? — спросил режиссёр Янь. — Ведь Ю Юаньси — человек, чьё тело мешает его великим планам. Это ключевая часть его образа.

— Именно потому, что это ключевая часть, — ответил Гу Чжочжо. — Чем талантливее человек, тем меньше он хочет показывать свои слабости. Такой человек, как Ю Юаньси, пока его состояние позволяет, разве позволит себе появиться перед другими в образе больного?

Верно! Заместителя режиссёра осенило, наконец он понял! Почему Ю Юаньси Гу Чжочжо казался таким живым!

Потому что он действительно думал как больной человек!

— Чёрт! — он повернулся, и сценарист отступил на два шага. — Не подходи!

Режиссёр Янь рассмеялся:

— Очень интересно. А как насчёт второй сцены? Что ты думаешь?

Третья дочь семьи Чжоу, А-лин, была девушкой, в которую Ю Юаньси влюбился. Они встретились в юности на празднике цветов, и это была любовь с первого взгляда. Вторая сцена в сценарии была описана туманно — только одна строка: [Ю Юаньси непрерывно кашляет, зовёт А-лин, А-лин...]

Поэтому сегодняшние пробы на эту сцену были очень разнообразны. Кто-то громко рыдал, кто-то сдерживал эмоции.

Игра Мяо Хана была более сдержанной, он даже снял слой добродушия с Ю Юаньси, и когда он закончил, все почувствовали, что дуга персонажа появилась, и это было интересно.

Но после того, как все увидели, как Гу Чжочжо справился с этой сценой, они снова были убеждены, что... это тоже неплохо?

— Ю Юаньси в любви очень наивен, это написано в его биографии, — Гу Чжочжо улыбнулся. — Я всегда помню, что он встретил А-лин в пятнадцать лет, а когда она ушла, ему было всего восемнадцать.

Заместитель режиссёра был ошеломлён.

Да, да! Сколько бы ума ни было у Ю Юаньси, как бы он ни выглядел расчётливым, ему всего восемнадцать! Чувства юноши чисты и горячи! Как он может сдерживаться под ударом, как взрослый мужчина, который просто покраснел?

Он должен быть в шоке, не принимать этого, он будет плакать!

Как мило, как трогательно, заместитель режиссёра чуть не задохнулся, ему хотелось обнять милого Юаньси и приласкать.

Сценарист:

—

На лице режиссёра Яня появилась улыбка. Он подозвал потерянного Мяо Хана и спросил:

— Сяо Хан, ты видел, роль Ю Юаньси больше подходит другому.

Мяо Хан возмутился:

— Нет! Я не хочу играть Ло Тяньсяна!

Режиссёр Янь цыкнул:

— Как ты не понимаешь, генерал Ло идеально тебе подходит. Я ещё в прошлом году, когда получил сценарий, понял это.

— Я уже играл похожего, правда не хочу снова, — Мяо Хан упрямо стоял, несмотря на убийственный взгляд своего агента. — Я лучше сыграю нищего! Режиссёр, в сценарии есть нищий, он тоже хорош! Я хочу сыграть его!

— Нищий — сложная роль, — Гу Чжочжо посмотрел на него, постепенно улыбаясь. — Я привёл одного парня, который идеально подходит на роль нищего. Старший Мяо, ты готов с ним посоревноваться?

— Пэн Инцзе, — позвал Гу Чжочжо, поманив его.

Пэн Инцзе выглядел ошеломлённым, его подтолкнули остальные трое, он чуть не упал и, словно во сне, встал рядом с Гу Чжочжо.

— Познакомьтесь, это наш новый парень из «Чжуншэн», очень милый, — сказал Гу Чжочжо.

Вокруг раздался смех, и лицо Пэн Инцзе покраснело.

Мяо Хан возмутился, хлопнув по столу:

— Ты заставляешь новичка соревноваться со мной!?

Гу Чжочжо:

— Боишься?

Режиссёр Янь с интересом наблюдал за их противостоянием, не мешая, а наоборот, попросив

всех расступиться, чтобы дать им место.

Мяо Хан был в ярости, его агент пинал его, но он не менял своего решения, настаивая на соревновании.

— Ты с ума сошёл! — агент чуть не плакал. — Соревноваться за роль массовки? Даже если выиграешь, это что, победа!?

Мяо Хан бормотал, беря листок с пробой для нищего, и недовольно сказал:

— В любом случае, я не хочу Ло Тяньсяна.

Нищий в «Звоне гонга» появлялся нечасто, но играл ключевую роль в нескольких моментах.

Он то появлялся в переулке перед домом А, просил вина и срывал покушение на А. То спасал третью дочь семьи Б, которую хотели похитить. То в заброшенном храме в пригороде давал промокшему и больному главному герою кусок хлеба.

Он выглядел сумасшедшим, но всегда оказывался полезным в критических ситуациях. В сценарии он был описан как худощавый, но с широким костяком мужчина, без указания возраста, но все представляли его как Хун Цигуна.

С этой точки зрения, Пэн Инцзе подходил по росту, но был слишком молод. Мяо Хан, если не считать его статуса, был более подходящим кандидатом.

— Кто первый? — с интересом спросил режиссёр Янь.

— Я! — Мяо Хан шагнул вперёд, уверенно, и ещё раз злобно посмотрел на Пэн Инцзе.

Пэн Инцзе вздрогнул и молча отошёл в сторону.

— Эй, парень, голоден? — Мяо Хан сел на пол, и его манера сразу изменилась.

Он прищурился, выглядя хитрым:

— Хочешь есть? Ц-ц, если хочешь, скажи! А то как я узнаю... хе-хе... что ты хочешь... — он откусил от воздуха, словно ест не хлеб, а деликатесы.

Главный герой, конечно, не согласился, и они обменялись репликами, в конце нищий пробормотал:

— Ладно, раз ты назвал меня отцом, угощу тебя.

<http://bllate.org/book/16422/1488355>